

Зал Заповедей примостился на невысоком отроге к востоку от Пика Сбора Духов.

Это место, удалённое от главных высот, дышало тишиной и запустением. Вершину горы вечно укрывали снега, и холод здесь стоял такой, что обычный человек не продержался бы и часа — застыл бы замертво.

В самом Зале Заповедей не было согревающих формаций. Ученики, угодившие сюда за провинности, вынуждены были постоянно заставлять циркулировать духовную силу, чтобы не превратиться в ледяные изваяния. Вдобавок к борьбе с морозом, им полагалось переписывать устав и правила ордена.

Стены Зала Заповедей снизу доверху были испещрены строками правил. Тексты то всплывали в воздухе, то ныряли обратно в камень, отчего у любого закружилась бы голова.

Цзянь Мянй сидел за столом, выпрямив спину, и прилежно копировал наставления Ордена Небесного Пути. Цинь Уцзю устроился рядом. Перед ним лежал чистый лист рисовой бумаги — ни единого иероглифа. Он даже не потрудился растереть тушь. Подперев подбородок рукой и прикрыв глаза, младший шишу то ли дремал, то ли просто давал отдых чувствам.

Закончив страницу, Цзянь Мянй поднял взгляд. Просторный зал делили с ними ещё полтора десятка учеников. Похоже, внезапная облава в жилых покоях ордена принесла богатый улов.

Ученики скрипели перьями, но покаянием в зале и не пахло. Они то и дело перешёптывались, вполголоса кляня судьбу и наставников.

Цзянь Мянью всё это казалось на редкость занятным. Когда дедушка задерживался на работе, Мянй-эр тоже жил в общежитии. Каждая проверка превращалась в переполох, а учителя выуживали из-под матрасов самые невероятные вещи. Здесь, конечно, не было мощных электроприборов, но в остальном всё выглядело знакомо: подпольные сборники сомнительных картинок, припрятанное вино и даже духовные звери, которых ушлые адепты ухитрялись держать в комнатах.

Конфискованное добро горой свалили в центре пустого пространства. Зрелище было впечатляющим. Прежде чем отправить провинившихся в холодный Зал Заповедей, их, разумеется, хорошенько отчитали.

Цзянь Мянй не чувствовал себя частью Ордена Небесного Пути, поэтому нагоняй не задел его за живое. Напротив, отсутствие подобного опыта в прошлом рождало в душе какой-то мальчишеский азарт. Но куда забавнее было то, что младший боевой дядя делил с ним и позор, и наказание.

— Чему смеёшься? — внезапно раздался голос Цинь Уцзю.

Значит, не спал.

Цзянь Мянью мотнул головой — мол, ничему, — но тут же опомнился. Он широко раскрыл глаза и уставился на Цинь Уцзю так, будто собирался его загрызть. Отложив кисть, юноша с кровожадным видом придвинулся к мужчине и процедил сквозь зубы:

— Младший. Боевой. Дядя.

Облава застала их врасплох, но Цзянь Мянью не из тех, кто впадает в ступор. В тот миг, когда они столкнулись в дверях, он решил проверить свою догадку и нарочно окликнул его «младшим шишу». Цинь Уцзю даже бровью не повёл, приняв обращение как должное. Ни тени сомнения, ни вопроса в глазах.

Ещё в лесу Цзянь Мянью заподозрил неладное, а теперь убедился окончательно: Цинь Уцзю всё помнил. Просто пока наставники Ордена Небесного Пути метали громы и молнии, возможности объясниться не было. Зато теперь им никто не мешал.

— Зачем ты меня обманул? — спросил Цзянь Мянью.

— Возможно... — Цинь Уцзю на мгновение задумался. — Решил, что так будет интереснее.

Когда их затащило сюда, Цинь Уцзю поначалу беспокоился о безопасности юноши, но быстро понял, что его маленький боевой племянник рядом — жив, здоров и полон сил. И когда в лесу он встретил весёлый взгляд Цзянь Мянью, в нём внезапно проснулось желание подыграть, прикинуться беспамятным и посмотреть, что будет дальше.

Реакция оказалась именно такой, какую он ожидал — очаровательной.

В Ордене Небесного Пути, когда Цзянь Мянью купил вино и пришёл к нему, стало ясно: парень всё разгадал. Цинь Уцзю и не собирался слишком усердно притворяться, действуя по велению души. А раз уж Мянью-эр его раскусил, скрываться дальше не было смысла.

— Интереснее... — вполголоса повторил Цзянь Мянью и глубоко вздохнул, чувствуя, как внутри всё закипает. — Ты хоть понимаешь, как я за тебя дёргался? Я...

— Извини, — вдруг произнёс Цинь Уцзю.

Цзянь Мянью поперхнулся словами. Что? Это как понимать? Где положенная старшим важность? Где нерушимое достоинство боевого дяди? Разве прилично так быстро признавать вину?

Гневные упрёки застряли в горле. Цзянь Мянью сжал кулаки, понимая: если он сейчас так

просто его простит, этот несносный человек в следующий раз выкинет штуку ещё похлеще. Нрав у него скверный, хлебом не корми — дай подразнить. Цинь Уцзю из тех людей, что охотно извиняются, но ни капли не раскаиваются.

Нельзя спускать ему это с рук.

Однако ярость в душе всё же поутихла. Цзянь Мянью, не желая признавать поражение, сохранил ледяное выражение лица:

— Не думай, что это всё спишет. Я до сих пор...

Цинь Уцзю вдруг поймал его за руку и вложил в ладонь апельсин.

Цзянь Мянью замер. Откуда он взялся?

— Сладкий, — Цинь Уцзю отпустил его руку. — Попробуй.

Мянью-эр, мысленно костеря себя за бесхарактерность, принялся чистить плод. Сочная мякоть и впрямь оказалась медовой.

— Я всё ещё очень злюсь, — прочавкал он для верности.

Цинь Уцзю кивнул с самым серьёзным видом:

— Вижу. У Мянью-эр тяжёлый нрав.

Тон был такой, словно он успокаивал капризное дитя.

Цзянь Мянью хмыкнул и, чтобы показать, что его не так-то просто задобрить, съел весь апельсин целиком, не предложив Цинь Уцзю ни дольки. Когда с угощением было покончено, младший шишу негромко произнёс:

— Не о чем беспокоиться. Считаю, что мы выбрались на прогулку. Гуляй и развлекайся в своё удовольствие.

Цзянь Мянью, комкая корки в поисках мусорной корзины, на мгновение замер. «Легко сказать, — подумал он. — Как тут не беспокоиться, когда вокруг такое творится?»

Он уже открыл рот, чтобы расспросить о положении дел, как вдруг с противоположной стороны зала донёсся яростный выкрик.

Цзянь Мянью вздрогнул. Подняв взгляд, он увидел двух сцепившихся парней. Один из них показался ему знакомым — тот самый юнец, что продал ему вино.

Дрались они по-простому, без всякой магии. Только кулаки и ноги. В ход пошли затрешины, тычки в глаза и таскание за волосы. Благородные адепты бессмертного ордена в этот миг ничем не отличались от уличной шпаны. Наставников Ордена Небесного Пути при таком зрелище точно хватил бы удар.

Драка была нешуточной, сопровождалась отборной бранью. С трудом их удалось растащить. Цзянь Мянью помог «виноторговцу» дойти до скамьи.

Вид у парня был плачевный: лицо в ссадинах, нос разбит, на голове — воронье гнездо. Смахнув кровь, он прохрипел:

— Люй Вэй, скотина подлая... Я ему вино достал, а он меня сдал с потрохами. Тьфу!

Люй Вэй, сидевший напротив, тут же вскинулся:

— Чего вякнул? Повтори, если смелый!

— Думаешь, испугался?!

Едва не вспыхнула новая потасовка, но товарищи вовремя вмешались. В зале наконец воцарилась тишина.

Цзянь Мянью достал припасённое лекарство и смазал раны пострадавшему. Тот благодарно кивнул:

— Спасибо, брат. Свой человек. В следующий раз, как вино понадобится — ищи меня, сделаю скидку в два фэня.

Он сюда за бессмертием пришёл или капитал сколачивать?

— Благодарю, — вежливо отозвался Цзянь Мянью.

После заварушки все вернулись к работе. Вскоре многие притомились: кто-то отложил перо и захрапел, уткнувшись в стол, а кто-то и вовсе растянулся на лавке, подложив под голову руку.

По Залу Заповедей поплыло мерное посапывание. Цзянь Мянью на мгновение почувствовал себя так, словно вернулся в школьные годы. Он даже по привычке крутанул кисть между пальцами.

На душе стало удивительно спокойно. Глядя на прикрывшего глаза Цинь Уцзю, Цзянь Мянью осознал: как только он узнал, что младший шишу всё помнит, вся его тревога испарилась без следа.

Он немного полюбовался безмятежным лицом младшего боевого дяди и снова принялся за бумагу. Закончив свою долю, он принялся писать за Цинь Уцзю.

Спустя какое-то время снаружи слышались шаги. Двери распахнулись, и в зал вошёл Шэнь Линьфэн. Сон у наказанных учеников в Зале Заповедей был чуткий — в таком месте крепко не уснёшь. Едва скрипнула дверь, все подскочили, принимая вид усердных тружеников.

Но завидев вошедшего, разом выдохнули.

— Молодой глава ордена, это вы! — один из парней отшвырнул кисть и прижал руку к сердцу.
— У меня чуть душа в пятки не ушла. Думал, опять проверка.

— Не рады мне? — Шэнь Линьфэн сделал вид, что разворачивается к выходу. — Ну, тогда пойду позову старейшину Сюя.

Ученики замахали руками, а кто-то даже подбежал и удержал его, засыпая уверениями в вечной дружбе.

Шэнь Линьфэн, окружённый толпой, присел за один из столов. Ещё при первой встрече Цзянь Мянью заметил, что в молодом главе ордена нет ни капли заносчивости. Он был прост в общении и, вероятно, из-за возраста пользовался огромной популярностью среди сверстников.

Цзянь Мянью продолжал писать, но наострил уши. Из разговоров стало ясно, что Шэнь Линьфэн — завсегдатай Зала Заповедей. В этот раз его покарали за «излишнее рвение при изгнании демона»: в пылу сражения он разнёс половину жилой улицы, и горожане пришли жаловаться напрямую к воротам ордена.

Ордону пришлось раскошелиться на восстановление домов и искать временное жильё для погорельцев. Ученики, впрочем, усомнились: хоть методы Шэнь Линьфэна и были грубоваты, но ведь дело-то благое — нечисть извёл. За такое обычно в Зал Заповедей не отправляют.

Шэнь Линьфэн почесал подбородок и усмехнулся:

— А вас не проведёшь.

Все хором принялись требовать правды.

— Да ничего особенного, — сдался он. — Просто встретил я у подножия Пика Сбора Духов

ребёнка.

Мальчишке не было и десяти лет. Он пришёл со стариком-дедом. Оба — кожа да кости, в дырявых соломенных лаптях. Страшно представить, сколько миль они отмерили, прежде чем добраться до ордена.

Сердце у Линьфэна было добрым. Видя такую нужду, он хотел отдать им все свои деньги, но те не взяли. Мальчик лишь робко спросил, правда ли он — бессмертный мастер из Ордена Небесного Пути. Когда Линьфэн кивнул, оба повалились в ноги.

Из рассказа старика выяснилось: они — люди горькой судьбы. Мать ребёнка погубили лиходеи, а отец, желая отомстить, сам обратился в злобного призрака. Позже его изловили мастера Ордена Небесного Пути и увезли на гору.

Мальчик был чист и наивен. Он с надеждой смотрел на Линьфэна: «Бессмертный братец сказал, что папу заберут сюда, помогут очистить душу от злобы, и тогда он сможет воссоединиться с мамой».

Шэнь Линьфэн погладил ребёнка по голове. В Ордене Небесного Пути и впрямь было святое место — Чистая Бездна. Говорили, что десятки тысяч лет назад небесный воитель одним ударом меча рассёк здесь скалу. В той расщелине, на огромной глубине, скопилась первозданная духовная сила, что мерцала всеми цветами радуги.

Адепты Ордена Небесного Пути чаще называли это место Лotosовым прудом. Считалось, что его воды способны омыть любую осквернённую душу, вытравив из неё всё злое. Чистые духи затем могли отправиться на перерождение.

Мальчик хотел было ухватить Линьфэна за край одежды, но, увидев свои грязные пальцы, смущённо отдернул руку. Сложив ладони в мольбе, он прошептал: «Бессмертный братец, прошу тебя, передай папе, что у нас с бабушкой всё хорошо. Пусть он не беспокоится».

— И что дальше? Что дальше?! — засыпали его вопросами слушатели.

— Дальше... — Шэнь Линьфэн вздохнул.

Он был человеком впечатлительным. Видя слёзы ребёнка, он пообещал помочь, но не успел он прокрасться к Чистой Бездне, как его поймали с поличным. И поймал не кто-нибудь, а лично глава ордена Шэнь — его собственный отец.

Ученики дружно охнули. Нет ничего хуже, чем попасться на глаза самому главе в момент нарушения запретов. Невезение высшей пробы. И пусть глава был его отцом, пощады ждать не приходилось.

Шэнь Е пришёл в ярость, обозвав сына безмозглым щенком. Каждый день адепты Ордена Небесного Пути приносят десятки свирепых душ и помещают их в Лotosовый пруд. Стоит допустить хоть одну ошибку — и неочищенные тени вырвутся на волю, неся погибель всему живому. Кто ответит за последствия?

Линьфэн никогда не видел отца в таком гневе. Его отчитали так, что уши горели, а припомнив старые грешки — полёты на мече над головами гостей и прочее, — глава в сердцах запер его в Зале Наказаний. Сказал, что пока тот не осознает свою вину, не выйдет наружу. Пусть хоть всю жизнь там сидит.

Цзянь Мян, видя, что все увлечены рассказом, придвинулся к Цинь Уцзю и прошептал на ухо:

— Младший боевой дядя, ты когда-нибудь бывал в этом месте, где «очищают души»?

Цинь Уцзю, вертя в руках кисть, вдруг обмакнул её в чернила Цзянь Мян и принялся что-то увлечённо малевать на бумаге.

Спустя мгновение он, словно припоминая, поморщился:

— Чистая Бездна? Вряд ли это хорошее место.

«Вряд ли?»

Цзянь Мян глянул на бумагу и едва не поперхнулся. Цинь Уцзю нарисовал здоровенную черепаху, а под брюхом у неё пристроил целую кладку идеально круглых яиц.

Цзянь Мян поморщился.

Кто бы мог подумать, что в душе младшего шишу живёт такой озорной ребёнок.

<http://bllate.org/book/17489/1712870>